

УДК 81

Ю.Н.Сытина

*Московский государственный
областной университет (МГОУ)*

Москва, Россия

yulyasytina@yandex.ru

**ПОВЕСТЬ В.Ф. ОДОЕВСКОГО «НАСМЕШКА МЕРТВОГО»
В КОНТЕКСТЕ АЛЬМАНАХА «ДЕННИЦА»¹**

**[*Sytina Yu.N. V.F. Odoevskiy's story "The Mockery of The Dead"*
in the context of "The Dennitsa" almanac]**

In 1834 there appeared a philosophical novel of V.F. Odoevskiy "The Mockery of the Dead" in M.A. Maksimovich's "The "Dennitsa" Moscow almanac. Pages of edition were decorated with the names of A.S. Pushkin, F.I. Tyutchev, P.A. Vyazemskiy, E.A. Boratynskiy, N.M. Yazykov, I.I. Lazhechnikov, F.N. Glinka, M.P. Pogodin, I.V. Kireevskiy, A.S. Khomyakov, S.P. Shevryev etc. Odoevskiy's work was a kind of point in the third and latest edition of the anthology. Such an important position is largely due to the fact that "The Mockery of the Dead" inhaled a number of issues and motifs typical for the anthology as a whole, including the theme of the searching of the meaning of life, the statement values to true and the dethronement values to false, the confrontation between good and evil, death and eschatology. However, although "The Mockery of the Dead" is thematically and artistically close to many compositions of "The Dennitsa", it is not like any one of them, performing individual author's style and understanding of life.

Key words: "The Dennitsa" almanac, V.F. Odoevskiy, historical and cultural context, the literary process, philosophy, religion.

«Денница», издаваемая М.А. Максимовичем в 1830, 1831 и 1834 годах, была одним из лучших московских альманахов 1830-х годов. Страницы издания украшали имена А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, П.Я. Вяземского, Е.А. Боратынского, Н.М. Языкова, И.И. Лажечникова, Ф.Н. Глинки, М.П. Погодина, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, С.П. Шевырева... В 1834 году в «Деннице» появилось и произведение В.Ф. Одоевского – «Насмешка мертвого» – повесть, насыщенная глубокой философской, этической и социальной проблематикой.

Переехав в 1826 году в Петербург, Одоевский сохранил дружеские и творческие связи с московскими литераторами. Вчерашних Любомудров объединяли предпочтение немецкого романтизма французскому и схожий

---

¹Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-34-01225

вектор развития – от абстракций и немецкой философии к осмыслению российской действительности, самобытности, к выработке собственной философии: «*Наша философия должна развиваться из нашей жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного быта*» [2, с. XLVIII], – писал И.В. Киреевский в «Обзрении русской словесности 1829 года» (*курсив* И.В. Киреевского).

Глубокими философскими исканиями дышат многие страницы «Денницы». Показательно и само название альманаха, воплотившее в себе идею неразделимой двойственности земного бытия, единства и борьбы противоположностей. «“Денница” – поэтическое название утренней зари. Но это еще и имя высшего ангела, возгордившегося своим могуществом и силой, восставшего против Бога, имя темного, злого духа» [1, с. 45] – размышляет Т.К. Батурова. Таким образом, «денница» – это и солнечный свет, побеждающий ночную тьму, и тьма, бывшая когда-то светом. Подобная неоднозначность прекрасно подчеркивает сложность и глубину восприятия авторами альманаха жизни, состоящей из извечной борьбы добра и зла, порою соединяющей непримиримые противоположности в одном явлении. Подобное мироощущение характерно для многих произведений «Денницы», в том числе и для «Насмешки мертвого», не случайно заключающей третий и последний выпуск альманаха.

Впоследствии «Насмешка мертвого» вошла в состав «Русских ночей» под названием «Насмешка мертвеца», причем Одоевский устами Фауста подчеркнул разницу в названиях. В романе данный отрывок принадлежит перу некоего экономиста. Краткая предыстория этого героя, рассказанная Фаустом, придает повести особую тональность. В «Русских ночах» получается, что «Насмешка мертвеца» автобиографична, написана самим «мертвецом» и повествует о «горьких плодах» трагической любви [6, с. 80]. В словаре В.И. Даля, как и в современном словаре С.И. Ожегова, не проводится четкого различия между прилагательным «мертвый» и существительным «мертвец». Однако же для Одоевского такое различие явно существовало. По-видимому, субстантивированное прилагательное передает более пассивное значение субъекта, его окончательное состояние, тогда как существительное «мертвец», являясь, к тому же, одушевленным, подчеркивает активное начало в умершем герое. Вероятно, экономист назвал отрывок «Насмешкой мертвого», желая отстраниться от главного персонажа.

Фауст же переименовывает повесть в «Насмешку мертвеца» для того, чтобы подчеркнуть опустошенность и мертвенность души экономиста, духовную его гибель, при физическом существовании.

Мертвый юноша не единственный мертвец в этой повести. Его насмешка приводит к духовной смерти и красавицу, которая погубила героя своим предательством. Когда она увидела бывшего возлюбленного в гробу, «ей показалось, что мертвец приподнял посинелое лицо и посмотрел на нее с той неподвижной улыбкой, которою мертвые насмеваются над живыми» [4, с. 222-223]. Мария не смогла перенести этой насмешки. Одоевский мрачными красками изображает, как душа красавицы гибнет в страшной агонии кошмара. Прежняя Мария, не вынеся ужаса содеянного, тонет в холодных водах вышедшей из берегов Невы, чтобы потом, очнувшись на утро от обморока, уже другая женщина смогла стать пустой светской львицей, которая терпеть не может «этих замечательных молодых людей с их мечтами, чувствами, мыслями», думать для которой «скучно и беспокойно» [4, с. 240].

Смерть души Марии происходит на глазах у читателя, тогда как гибель юноши, обрисованная Одоевским неоднозначно, остается покрыта мраком неизвестности: «Кто знает, что случилось с юношей, когда, сжатые холодом страдания, порвались струны на гармоническом орудии души его; когда изнемог он, замученный недоговоренною жизнью <...>, – вопрошает Одоевский и развертывает перед читателем ряд трагических картин. – Может быть, она (душа – Ю.С.) вызвала из ада все изобретения разврата; <...> Может быть, вся та деятельность, которая была предназначена на святой подвиг жизни, углубилась в науку порока, исчерпала ее мудрость с тою же силой, с которою она некогда исчерпала бы науку добра...» [4, с. 226-228].

В «Насмешке мертвого» Одоевский соединяет конкретное и вселенское, несчастную судьбу определенного человека и трагедию человечества в целом. Писатель судит о жизни героев и в той системе координат, где точкой отсчета является человек, и в той, где за единицу берется вечность, соотнося жизни конкретных людей с христианскими ценностями и вечными истинами.

Тема смерти, и духовной, и телесной, загадка смерти не раз возникают на страницах «Денницы». Зачастую, как и Одоевский, литераторы идут от частных случаев к философским обобщениям. В апологах и стихотворениях Ф.Н. Глинки, «Успокоении» Ф.И. Тютчева, «На могиле Эмилии»

Н.С. Станкевича, «Веселых злыднях» М.А. Максимовича смерть предстает как «светлое успокоение, а не страшный конец» [1, с. 73], освобождение от бренного и суетного земного бытия, долгожданное соединение с Богом.

Однако же героев Одоевского, погубивших душу в пороках и светской суете, страшит приближение смерти. Грозная тайна покоится в черном бархатном гробе за дикой усмешкой мертвеца. Но писатель не приподымает покрывала этой загадки.

Совсем иначе романтический мотив мертвой усмешки раскрывается в сказке М.А. Максимовича «Веселые злыдни», также опубликованной в сборнике 1834 года. Это произведение заканчивается философскими рассуждениями о жизни и смерти – о тягостях и печалях первой и избавительной радости второй. Размышляя над «усмешкой», которая всегда остается на «известковом остатке разумной головы» [4, с. 84], М.А. Максимович пишет: «Или жизнь на этом свете такое дело, что не только душа порывается из нее на тот свет, будто райская птичка из клетки на вольную волю, но и труженные кости, испив мертвую чашу жизни, ложатся в гроб с победным веселием, и им любо под землю?» [4, с. 85]. Жизнь земная представляется писателю «мертвенной», тело – «тяжелым жерновом житейского попечения» [4, с. 85], смерть – жизнью вечной.

На страницах «Денницы» часто появляются мысли о мимолетности и суетности человеческого бытия в масштабе Вселенной. А.Ф. Вельтман в отрывке из второй части «Странника» так пишет о судьбе некогда могущественного и властного деятеля российской истории: «На сей последней (станции – Ю.С.) Провидение сложило с князя Потемкина блеск, почести и ношу заботливого земного существования и отправило по тайному пути к первоначальному ничтожеству человека, или, может быть, к возрождению и далее, и далее, и далее, и далее... через бесконечные ряды жизней и разрушений к усовершенствованию, к высокой цели, к которой стремится Вселенная» [3, с. 97-98].

Тема смерти является одной из центральных в отрывке из трагедии А.С. Хомякова «Ермак». В «Деннице» были опубликованы два монолога Ермака, в которых он рассуждает о своих свершениях и о грядущей гибели. Собственная судьба представляется герою лишь «песчинкой», сознание важности содеянного, покорения Сибири, не служит для Ермака предметом гордости – он всего лишь выполнил свое предназначение, исполнил «небесное веленье» [2, с. 250]. Страшная усталость наваливается на героя, осознание

неотвратимого конца тревожит его душу. Стремясь примириться с ожидающей его страшной участью, Ермак старается убедить себя в благостной роли смерти: «Ах, мне ль вздыхать, с землею расставаясь? // Какие радости мне жизнь дала?», – восклицает герой [2, с. 251]. Но все же ему страшно «умереть... лежать в могиле тесной – быть снедию червей» [2, с. 251]. Только красота и гармония природы, осознание величия мироздания и единение с ним приносят герою просветление и покой.

«Ермак» близок «Насмешке мертвеца» тем, что в обоих произведениях земное существование предстает в свете неотвратимой смерти, поэтому с особой остротой встают вопросы о ценности содеянного, полноте выполнения предназначения, о преумноженных или зарытых в землю талантах.

Раздумья о смысле жизни, трудном, тернистом пути сквозь «роковое», «нелюдимое» море к «блаженной стране» [2, с. 66] наполняют лирику Н.М. Языкова. Для поэта характерно христианское понимание смерти как жизни вечной, однако же, как и Одоевского, его волнует земной путь к этой жизни. «Кому, о Господи, доступны // Твои Сионски высоты?» [3, с. 1], – вопрошает лирический герой Н.М. Языкова в «Подражании псалму XVI» и в ответ рисует образ целомудренного и неподкупного праведника, который «верой в Бога укреплялся» и «сердцем чистым и живым // Ему со страхом поклонялся // С любовью плакал перед Ним» [3, с. 1].

Поисками истинного счастья наполнена переведенная С.П. Шевыревым «Сцена из 1-го действия “Пикколомини”» Ф. Шиллера. Эта публикация предваряет «Насмешку мертвого» Одоевского. Несмотря на явные различия, прежде всего, времени и места действия («Сцена из 1-го действия “Пикколомини”» повествует о Тридцатилетней войне, события разворачиваются в Чехии 1634 года), произведения объединяют сквозные темы: раздумья о человеческом предназначении, истинных и ложных ценностях. «Шум воинственного стана» не может успокоить «томящееся сердце» Макса Пикколомини [4, с. 216]. Насытившись ратными подвигами, он стремится к обретению иного счастья – домашнего очага и семьи, к мирным радостям, озаренным «светом наук» и «усладой чувства» [4, с.215-216].

«Сельская нега» и «домашняя тишина» становятся желанным приютом и для привыкшего к вольной бродячей жизни лирического героя «Цыган» А.С. Пушкина:

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след.
Вы уйдете – но за вами
Не пойдет уж ваш поэт [3, с. 106],

– говорит он «счастливому племени» бродячих цыган.

Исполненные стремлением к гармонии и счастью светлые картины резко контрастируют с мрачными страницами «Насмешки мертвого». Вместе с тем, в произведении Одоевского также присутствует тема счастья и гармонии, но раскрывается она «от противного». Изображая гибель душ светской красавицы и влюбленного в нее юноши, писатель подспудно проводит мысль о навсегда потерянной, но существовавшей для них возможности совместного счастья, построенного на честной жизни и взаимной любви.

Совсем иначе тема счастья раскрывается в повести И.В. Киреевского «Опал», также появившейся в «Деннице» 1834 года. Как и в переведенной С.П. Шевыревым «Сцене из 1-го действия “Пикколомини”», герой «Опала», могучий царь Нурредин, приходит к осознанию того, что счастье состоит не в завоеваниях и не в ратных подвигах на поле боя. Однако же, если Макс Пикколомини любит землю и стремится к созиданию мирной жизни, то царь Нурредин находит счастье в мечте, целиком погружаясь в мир грёз, волшебный и упоительный, куда переносит его сделанный кудесником ему же на погибель таинственный опал. Когда царство героя завоевывает китайский царь Оригелл, в ответ на милостивое предложение победителя сделать его наместником на прежнем престоле, Нурредин отвечает: «Суэта все блага земли! <...> Обман все прекрасное, и чем прекраснее, тем обманчивее; ибо лучшее, что есть в мире, это – мечта» [4, с. 64].

И у Одоевского, и у И.В. Киреевского громко звучит тема пустоты и суетности земных благ. Эта тема часто появляется на страницах «Денницы»: в стихотворении «Засуха» Ф.Н. Глинки, зарисовке неизвестного автора «Родительская печаль», отрывке из романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом».

Однако же не обличения как таковые составляют смысл этих произведений. Главным для писателей было заглянуть в душу человека, понять, что им движет, какие темные и светлые силы направляют его жизнь. Внимание к человеческой психике, особенно к пограничным её состояниям, связанным с сильными потрясениями, духовными переживаниями, нервными расстройствами, характерно для многих произведений «Денницы»: «Натальи» В.И. Па-

наева, «Психологического явления» М.П. Погодина, «Матери-убийцы» Ф.Н. Глинки, «Сохатого» Н.А. Полевого, «Вещего сна» Н.А. Мельгунова.

Глубины души и судьба человека сильно волновали Ф.И. Тютчева. С «Насмешкой мертвого» странным образом перекликается его «Безумие», также опубликованное в «Деннице» на 1834 год. Эти произведения объединяет схожий мотив – «человеческое состояние без Бога» [1, с. 100], близки они и по тональности повествования, исполненного мрачным пафосом, яркими эпитетами, резкими контрастами, пророческими нотами. У Ф.И. Тютчева «безумье жалкое» живет в «беззаботности веселой», которая оказывается болезненной агонией. Восторг и «тайное довольство» «безумья», мнящего, что слышит «ток подземных вод», представляется ложным откровением, не приносящим «безумью» облегчения и омовения [4, с. 185].

В «безумии» есть что-то от мук мертвеца из «Насмешки мертвого». Засохшая безжизненная земля, место обитания «безумия», напоминает опустошенную предательством возлюбленной душу юноши, поиски «безумьем» источника воды под землей – тщетные попытки героя Одоевского заглушить сердечную боль разворотом и суетой жизни, а «веселая беззаботность» «безумья» вкупе со «стеклянными очами» – страшную насмешку мертвеца.

Как уже говорилось, раздумья о судьбе отдельных людей обычно соотносились романтиками с процессом мирового развития. По замечанию В.Н. Касаткиной (Аношкиной), «30-е годы активно выдвигали задачу самопознания не только в целях нравственного совершенствования личности, но и прикосновения к абсолютным началам бытия» [5, с. 348]. В частности, тема смерти зачастую раскрывалась писателями в свете гибели всего мироздания, апокалипсиса.

Эсхатологические ноты звучат и в «Насмешке мертвого». По справедливому замечанию В.Н. Топорова, в этой повести «наводнение рисуется именно как катаклизм, как конец света, когда гибнут живые и восстают мертвые, в какой-то момент волей стихии встречаясь друг с другом» [7, с. 679]. Картины наводнения Петербурга во многом соотносятся со вселенским потопом и библейскими предсказаниями: «О дне же том и часе никто не знает, <...> ибо, как во дни пред потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех <...>» (Мф. 24: 36-39). В повести Одоевского светских, бездумных, окутанных сетями интриг людей поражает внезапность наводнения и неотвратимость

стремительной, страшной, не дающей опомниться гибели: «В другом конце залы еще играет музыка; там еще танцуют, там еще говорят о будущем, там еще думают о вчера сделанной подлости, о той, которую надобно сделать завтра; там еще есть люди, которые ни о чем не думают... Но вскоре всюду достигла страшная весть, музыка прервалась, все смешалось...» [4, с. 230].

Эсхатологические и пророческие настроения были довольно сильны в 1830-е годы, что нашло яркое отражение и на страницах «Денницы»: в стихотворениях Ф.И. Тютчева и Ф.Н. Глинки, «Фантазии» Н.С. Станкевича, диалоге Д.В. Веневитинова «Анаксагор», «Пророчестве Карменты о Риме» С.П. Шевырева.

В картинах вселенского масштаба важную роль играл «мотив разбушевавшейся стихии, наказывающей город за попрание справедливости, за эгоизм» [7, с. 679]. В «Насмешке мертвого», как и в «Последнем катаклизме» Ф.И. Тютчева, такой стихией оказывается вода, однако произведения эти имеют немалые различия. У Одоевского картины потопа окрашены мрачными красками: «Вдруг с треском рухнулись стены, раздался потолок, – и гроб, и все бывшее в зале волны вынесли в необозримое море... Все замолкло; лишь ревет ветер, гонит мелкие дымчатые облака перед луною, и ее свет по временам как будто си-нею молниею освещает грозное небо и неумолимую пучину» [4, с. 235].

Ф.И. Тютчев же рисует величественную картину просветления:

Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них! [3, с. 89]

Откликаясь на веяния времени, вопросы и проблемы, занимавшие его современников, Одоевский, однако же, шел своим, особым путем. «Насмешка мертвого» тематически и художественно так или иначе близка многим произведениям «Денницы». И, вместе с тем, не похожа ни на одно из них, исполнена индивидуально-авторского стиля и понимания жизни.

Повесть Одоевского стала своеобразной точкой в третьем и последнем выпуске альманаха. Столь значимое местоположение во многом обусловлено тем, что «Насмешка мертвого» вобрала в себя целый ряд вопросов и мотивов, характерных для «Денницы». От общего для большинства произведений стремления к философскому осмыслению действительности и соотносению людских поступков с высокими идеалами до более частных тем – смерти, эсхатологии, утверждения истинных и развенчания ложных ценностей, поиска смысла жизни, противостояния добра и зла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батурова Т.К. Страницы русских альманахов (Духовные искания литераторов пушкинского круга). М.: Век, 1998.
2. Денница, альманах на 1830 год, издаваемый М.А. Максимовичем. М., 1829.
3. Денница, альманах на 1831 год, издаваемый М.А. Максимовичем. М., 1830.
4. Денница, альманах на 1834 год, издаваемый М.А. Максимовичем. М., 1833.
5. Касаткина В.Н. «Денница»: её издатель и сотрудники // Денница. Альманах на 1830, 1831, 1834 годы, изданный М. Максимовичем. М.: Век, 1999.
6. Одоевский В.Ф. Соч.: В 2-х т. Т. 1. М.: «Худ. Лит», 1981.
7. Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009.

REFERENCES

1. *Baturova T.K.* Pages of Russian almanacs (Theological searching of writers of Pushkin's circle) [*Stranitsy russkikh almanakhov (Dukhovnye iskaniya literatorov pushkinskogo kruga)*]. М.: Century [*Vek*], 1998.
2. *Dennitsa*, the almanac for 1830, published by M.A. Maksimovich [*Dennitsa, almanakh na 1830 god, izdavaemyu M.A. Maksimovichem*]. М., 1829.
3. *Dennitsa*, the almanac for 1831, published by M.A. Maksimovich [*Dennitsa, almanakh na 1831 god, izdavaemyu M.A. Maksimovichem*]. М., 1830.
4. *Dennitsa*, the almanac for 1834, published by M.A. Maksimovich [*Dennitsa, almanakh na 1834 god, izdavaemyu M.A. Maksimovichem*]. М., 1833.
5. *Kasatkina V.N.* «Dennitsa», it's publisher and staff // *Dennitsa*. The almanac for 1830, 1831, 1834 published by M.A. Maksimovich [*Dennitsa: eye izdateli i sotrudniki // Dennitsa, almanakh na 1830, 1831, 1834 gody, izdannyy M.A. Maksimovichem*]. М.: Century [*Vek*], 1999.
6. *Odoevskiy V.F.* Writings in 2 volumes. V. 1. М.: Narrative Literature [*Khudozhestvennaya literatura*], 1981.
7. *Toporov V.N.* Petersburg Text [*Peterburgskiy tekst*]. М.: Science [*Nauka*], 2009.

29 мая 2014 г.